

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Р.Х. СИМОНЯН

Прибалтика в контексте распада СССР

В статье исследуются процессы, происходившие в Латвии, Литве и Эстонии на рубеже 1980–1990-х гг. Анализируя события, предшествовавшие краху Советского Союза, автор приходит к выводу: роль в этом прибалтийских республик явно преувеличена. Куда более негативное влияние на процесс распада советского пространства оказали непродуманные действия Центра.

Ключевые слова: советский строй, Прибалтика, модернизация, переход к рынку, региональный хозяйственный расчет, распад СССР.

The article examines processes, took place in Latvia, Lithuania and Estonia at the turn of 1990s'. Analyzing the events, preceded the collapse of the Soviet Union, author comes to the point: role of the Baltic Republics in this is evidently exaggerated. Much more negative influence on the Soviet space dissolution rendered Center's unconsidered actions.

Keywords: Soviet system, Baltic Republics, modernization, transit to market economy, region economic accountability, breakup of the Soviet Union.

Началось третье десятилетие с момента распада Советского Союза – события, во многом ставшего неожиданностью для населения огромного государства и мирового сообщества. О различных причинах случившегося и в России, и за ее пределами написаны десятки монографий и сотни, если не тысячи, статей. А огромное значение этнонациональной компоненты в дезинтеграции советского пространства справедливо признается и российскими, и зарубежными специалистами (см., например, [Согрин, 2001; Walker, 2003]).

В широком контексте анализа причин и факторов, приведших советское пространство к коллапсу, нашлось место и множеству заблуждений, ложных стереотипов и мифов, один из которых – “сверхнегативная” роль прибалтийских республик в разрушении Советского Союза. Этот миф оказался столь мощным, что до сих пор формирует отрицательный фон, на котором строится практика отношений со странами Балтии. Но так ли это было в действительности?

Да, конечно, к концу 1980-х гг. на территории страны возникли многочисленные этнические движения, а межнациональная конфликтность охватила практически все республики советского пространства. Однако при всей сложности взаимоотношений титульного и русскоязычного населения Прибалтики (см. подробнее [Симонян, 2005]) разве можно сравнить уровень межэтнического противостояния там с кровавым конфликтом в Нагорном Карабахе или резней в Сумгаите, в Оше? Далее, политизация этничности, вылившаяся в массовые демонстрации против политики союзного Центра,

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

началась отнюдь не на берегах Балтийского моря, а в Крыму (1985 г.) и Алма-Ате (1986 г.). Получается, что упреки в развале Союза логичнее предъявлять Украине, Казахстану, Узбекистану или Армении. Наконец, требования политической независимости, то есть выхода из состава СССР, в Прибалтике в первые три года перестройки не выдвигались. Они появились гораздо позже как результат многократного превышения критической массы ошибок тогдашнего союзного руководства. Даже наиболее радикальное общественное движение – литовский “Саюдис”, созданный 23 октября 1988 г., не ставил этот вопрос, что признал впоследствии М. Горбачев, первый и последний президент СССР [Горбачев, 1995, с. 509].

В этой связи я хотел бы подчеркнуть, что этническая нестабильность не всегда фатальна для судьбы государства. Гораздо более важную роль в сохранении его единства и стабильности играет фактор регулирования и управления – **качества политического руководства**. Впервые возникшее в СССР в конце 1980-х–начале 1990-х гг. массовое народное движение, направленное в том числе против явной или латентной этнической дискриминации или, как минимум, дискомфорта, было тогда недооценено центральной властью, чья неадекватность, по существу, способствовала сперва радикализации прибалтийских движений за демократию и народовластие, а далее принятия ими курса на выход из СССР. Анализу этой ситуации и реконструкции событий и посвящена данная статья.

Жители прибалтийских республик, как, впрочем, и большинство населения СССР, поверили курсу на реформирование страны, провозглашенного ее новым лидером. Занявший в марте 1985 г. высший партийный пост Горбачев выгодно отличался от череды своих предшественников молодостью, энергией, а главное – установкой на коренные общественные и экономические перемены. Для оптимизма в реализации замыслов политической модернизации и экономического рывка тогда были веские основания. Несмотря на нараставшее отставание от наиболее развитых государств, из 40–45 макротехнологий, обеспечивающих в мировых экономических сетях производство наукоемкой продукции, СССР в 1980-х гг. обладал 19-ю, причем не только ядерными, космическими, авиационными, нефтегазовыми, но и в области энергетического, химического, транспортного машиностроения. Страна располагала и производственным, и научным потенциалом. К этому надо добавить запасы минерального и энергетического сырья. Немалое значение имело и потепление международного климата, окончание “холодной войны”. Но главное, надо вспомнить о готовности, можно даже сказать жажде, общества к кардинальным переменам.

То, что СССР в своем развитии оказался позади стран, не имеющих таких ресурсов, в позднесоветский период стало доминирующей темой общественного обсуждения. Естественно, что идея Горбачева преодолеть сопротивление консерваторов и, наконец, рационально использовать имеющийся мощный потенциал для обновления общественного устройства и ускорения социально-экономического развития страны нашла самую активную поддержку отличающихся особой рациональностью прибалтов.

Следует напомнить, что Прибалтика была в СССР бесценным “полигоном” для проведения экономических экспериментов, опробования новых методов управления хозяйственным механизмом и внедрения различных инноваций. Трудовой персонал этих республик к началу перестройки уже принял на себя роль своеобразного “опытного производства” в народном хозяйстве огромной страны, а их власти в известной степени свыклись с ролью руководителей экспериментальной базы и ответственных исполнителей по осуществлению экономических нововведений. В Литве, Латвии и особенно в Эстонии, начиная с 1970-х гг., были успешно реализованы многие формы соединения плановой экономики с рыночными механизмами. Союзный центр продуктивно по советским меркам использовал эту площадку в качестве своеобразной лаборатории хозяйственной модернизации. Следовательно, то обстоятельство, что для вывода страны из экономического тупика стоял “под парами” прибалтийский локомотив, явилось несомненным козырем, который инициаторы перестройки обязаны были умело использовать.

В Риге, Вильнюсе и Таллине актуальность кардинальных перемен осознавали не менее остро, чем в Москве, Саратове и Новосибирске. Но различной была психологическая атмосфера социального пространства, в которой это осознание приходило в массы. Прибалтика непосредственно соприкасалась с одним из наиболее развитых регионов Европы – Скандинавскими странами. И на этом фоне беды сверхцентрализации застойной эпохи выглядели особенно рельефно, что придавало решению задач перестройки здесь более высокую мотивацию и целенаправленность.

Следует подчеркнуть, что первоначально основные идеи, в том числе и пути борьбы с консервативной частью партаппарата, во многом исходили из Центра. Даже такое радикальное для своего времени предложение, как создание по опыту европейских стран Народных фронтов в поддержку перестройки, чтобы люди могли реально влиять на ход политической жизни, позвучало в ходе “круглого стола”, организованного 2 марта 1988 г. журналом “Огонек”. Это произошло через три года после начала перестройки, когда стало ясно, что она “пробуксовывает”. Данное предложение нашло поддержку в республиках Прибалтики. 13 апреля 1988 г. в передаче эстонского телевидения “Mõtlete veel” (“Подумаем еще”) активные сторонники реформ Э. Сависаар и М. Лауристин предложили создать в республике общенародное движение в поддержку преобразований и гласности – Народный фронт Эстонии (НФЭ). Полгода спустя Сависаар на Учредительном конгрессе НФЭ озвучил основную его цель – “обновление Союза”, которое должно было стать “нашим вкладом в превращение СССР в экономически эффективное демократическое государство” [Народный... 1989, с. 23].

Во многих советских СМИ к тому времени уже развернулась критика сталинских отклонений от ленинского курса национальной политики и признания факта по существу унитарного, а не федеративного устройства советского государства. В периодической печати республик Прибалтики цитировались ленинские высказывания о децентрализации власти, о федеративной системе, о сохранении транспорта и связи, энергетических, финансовых, внешнеэкономических и оборонных функций Центра и передаче всех остальных в ведение республик и другие подобные положения из последних работ основателя СССР. Научной и технической интеллигенцией республик, руководителями предприятий предлагались различные варианты управленческих нововведений, словом, говоря тогдашним партийным языком, инициатива “снизу” была разбужена, и общественность Прибалтики интенсивно осуществляла **поиск оптимальных рецептов развития федеративных отношений Союза**. Как заметил в январе 1991 г. один из лидеров Народного фронта Латвии (НФЛ), редактор русскоязычной газеты “Реформа” О. Вовк, эта организация, “как известно... задумывалась в качестве необходимой общественной инициативы, в поддержку КПСС, которая к тому времени уже третий год изнывала в борьбе с... собой... Отсутствие реальных реформ порождали негативные для страны политические процессы” (цит. по “История. Социология. Политика”. Рига, 1991, № 1, с. 158).

Аналогичным образом один из руководителей ЦК КПЭ Х. Вайну писал в этой связи: “К счастью, все шире становится понимание того, что решительный переход республик Прибалтики на региональный хозрасчет означает формирование своего рода опытной лаборатории, что создает предпосылки ускоренного развития всей страны. Это в свою очередь стимулировало бы интеграцию всего Союза благодаря естественной и обоюдной экономической заинтересованности на местах, а не под воздействием административно-приказной системы ... Вряд ли хозрасчет обрел бы в Прибалтике такую остроту и популярность, если бы намеченная партией радикальная экономическая реформа проводилась в жизнь решительнее и быстрее” [Вайну, 1990, с. 37].

Что же касается хозяйственной реформы, то эстонские экономисты (М. Бронштейн, Ю. Силласте, Р. Отсасон и др.), поддержанные ЦК КП Эстонии, в качестве одного из основных ее направлений предложили республиканский хозрасчет как современную, ресурсосберегающую экономическую реформу. Но и эта идея не была чем-то принципиально новым. Она укладывалась в русло теоретических концепций перехода от экстенсивной экономики к интенсивной, разработанных экономистами-

рыночниками в научных центрах СССР. И показательно, что когда в феврале 1989 г. журнал “Рабочий класс и современный мир” опубликовал материал в поддержку республиканского хозрасчета [Пирогов, 1989], это вызвало окрик со Старой площади. Центр плохо воспринимал инициативы, не исходящие непосредственно от него, но никаких кардинальных реформ не осуществлял, несмотря на то, что с каждым днем экономическое положение в стране ухудшалось.

В то время как в Венгрии, Польше, Чехословакии были уже поставлены конкретные вопросы денационализации, демонополизации, приватизации, руководство СССР застряло на обсуждении хозрасчета предприятий и регионов – вопросов, детально рассмотренных еще 1960-х гг. во времена “косыгинской реформы”. Когда же по заказу М. Горбачева и Б. Ельцина группой авторитетных либеральных экономистов была подготовлена и 1 сентября 1990 г. принята Верховным Советом РСФСР программа неотложных мер с условным названием “500 дней”, это всколыхнуло надежды страны. Но Горбачев, энергично поддержавший программу и даже широко оповестивший о ней общественность страны и своих западных друзей – М. Койвисто, Дж. Андреотти, М. Тэтчер, Дж. Буша-старшего и др., затем проявил слабость и отступил под напором союзного военно-промышленного лобби, которое увидело в ней угрозу своим интересам. «Казалось, что решительный шаг в экономике будет, наконец, сделан, – писал в 1991 г. в этой связи один из лидеров перестройки А. Собчак. – И вот в самый драматический момент окончательного выбора, когда от Президента зависело буквально всё и – я в этом уверен! – гражданское мужество одного человека спасло бы программу “500 дней”, именно этого мужества мы не увидели» [Собчак, 1991, с. 266–267].

Руководители на местах, и прежде всего в республиках, конечно же, понимали, что в Центре происходит острая борьба сторонников перемен с консерваторами. Некоторые из них стремились со своей стороны оказать помощь инициаторам перестройки, тем более что Горбачев постоянно призывал к поддержке перестроечных процессов “снизу”. Из республик (и не только прибалтийских) предлагались необходимые и вполне качественные преобразования. Сила этих “низовых” предложений, по справедливому мнению Ж. Тощенко, была в том, что они шли не только от имени общественных, но и научных организаций. «Сейчас уже в определенной степени забыты предложения, которые, будучи приняты, вряд ли привели к распаду СССР – о них не любят вспоминать как “горбачевцы”, так и по известным причинам их инициаторы. Имеются в виду концепции экономического суверенитета, республиканского хозрасчёта, выдвинутых в Эстонии и поддержанных в других прибалтийских республиках. К сожалению, эти предложения были категорически отвергнуты... В Москве прорабы перестройки слушали только самих себя» [Тощенко, 2003, с. 17–18].

Но возможности убедить Центр еще не казались исчерпанными. В Прибалтике их даже преувеличивали – уж слишком очевидной представлялась их практическому взгляду на жизнь неотвратимость перемен. Поэтому в 1988 и в первой половине 1989 г. у прибалтов сохранялась вера в реформы и вопросы выхода из Союза не стояли. Принято упрощенно полагать, что такой точки зрения придерживались представители “продвинутой” части местной номенклатуры. “Разрыв с Россией – дело немыслимое, и это сегодня хорошо понимает каждый здравомыслящий эстонец. 50 лет в Союзе связали нас с ним крепко. Эстонцы понимают, что мы соседи с русским народом, и Эстония может быть свободна вместе с демократической Россией в демократической федерации. Ответственные политические силы эстонцев видят будущее Эстонии в составе обновленной перестройкой экономически мощного Союза”, – говорил в мае 1989 г. заведующий идеологическим отделом ЦК КПЭ М. Титма [Титма, 1989, с. 8]. Но вот – позиция одного из самых авторитетных деятелей демократического движения Эстонии Я. Аллика: “Зачем же спрыгивать с поезда перестройки, если он движется в нужном направлении – в сторону устранения деформаций социализма и развития федеративных отношений?” (цит. по “Eesti communist”. 1989.01.14).

Аналогичным образом высказался один из лидеров “Саюдиса” К. Яскелявичус: “Необходимо во взаимоотношениях республик отказаться от сталинских взглядов на

экономику СССР, на деле, а не на словах вернуться к ленинскому пониманию государственного устройства. Следует, наконец, осознать, что единство и сила СССР – в силе республик. Такая модель взаимоотношений является, на мой взгляд, единственной реальной альтернативой, позволяющей не только сохранить, но и упрочить политическую и экономическую платформу государственного устройства СССР” [Яскелявичус, 1989, с. 8]. Подобные же взгляды были характерны и для лидеров НФЛ (см. “Atmoda”, 1989. 18.04). По свидетельству одного из них – В. Дозорцева, «совершенно определенно – до конца мая 1989-го никаких разговоров, выходящих за пределы понятия “экономический суверенитет”, не велось даже в кулуарах... Впервые тема независимости стала предметом обсуждения 30 мая 1989 г. Но даже тогда о выходе из Союза никто не заикался» [Дозорцев, 2009, с. 207].

Однако развитие ситуации не могло не тревожить сторонников перестройки в балтийских республиках. Так, в своем интервью 5 января 1990 г. председатель НФЛ Д. Иванс на вопрос, каким ему представляется начавшийся год, ответил: “Тяжелым. На улучшение экономического положения надеяться нечего. Я поражаюсь удивительной близорукости новых постановлений правительства СССР, касающихся перестройки экономической и социальной жизни. Вместо того чтобы децентрализовать народное хозяйство, развязать инициативу, дать самостоятельность, чинят всё тот же тришкин кафтан, скроенный по одной унитарной мерке для разных народов, придерживающихся различных принципов социально-экономической жизни. К чему это приведет? Только к усилению политического противостояния Центра и республик” (цит. по “Avots”, 1990, № 2, с. 53). Проникнутое пессимизмом интервью показывает, что даже ведущие общественные деятели Прибалтики не рассчитывали в тот период на сколько-нибудь реальную возможность выхода Латвии из состава Союза, подобный сюжет ими даже не упоминался.

Вспоминая эти события, хорошо знавший ситуацию в Латвии О. Лацис акцентировал внимание на “первом порыве в разочаровании в перестройке, в ходе которой активность Горбачева в реальных свершениях все больше уступала его активности в произнесении поучительных речей” [Лацис, 2001, с. 224]. Но страна четвертый год находилась в нарастающем ожидании практических действий, а не слов. А по свидетельству члена команды Горбачева А. Грачева, “время шло, а провозглашенные с трибуны съезда и обещанные обществу перемены все не происходили” [Грачев, 2001, с. 154]. За четыре года перестройки реформы настолько назрели, что их отсутствие воспринималось активной частью населения как капитуляция, как отход назад. В равной мере касалось и экономики, и государственного устройства. “Это вполне можно было сделать еще летом 1988 года, – справедливо полагает заместитель руководителя Информационно-аналитического центра аппарата Президента СССР, участвовавший в подготовке нового Союзного договора З. Станкевич, – открыто объявив о предстоящей реформе Союза и обозначив ее пределы” [Станкевич, 2001, с. 35]. Но Центр, не продекларировав даже и такого намерения, полностью упустил инициативу. Вместо того чтобы сохранять процесс общественной модернизации в своих руках, он спровоцировал сепаратистские тенденции.

16 ноября 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял несколько документов, поддержанных ЦКЭ, вошедших в противоречие с Конституцией СССР, на что последовала соответствующая реакция из Москвы. Здесь следует напомнить, что в самой Конституции СССР содержалось много противоречащих друг другу положений. К примеру, с одной стороны, она провозглашала суверенитет республик (статья 76), а с другой – практически сводила к нулю права республик самим решать свои внутренние вопросы (ст. 74) [Конституция... 1977]. Вот тогда среди депутатов ВС ЭССР и возникла идея нового Союзного договора, хотя, конечно же, она должна была раньше созреть в головах руководителей Союза. Эстонцы согласились отменить принятые документы и специально рассмотреть этот вопрос на уровне Верховного Совета СССР. В Постановлении ВС ЭССР о внеочередной сессии Верховного Совета СССР от 26 ноября 1988 г. говорилось о принятии к сведению его решений о признании недействитель-

ными документов, принятых на сессии ВС ЭССР 16 ноября 1988 г. [Постановление... 1988, с. 3–4]. В Прибалтике ожидали конструктивного диалога о проблемах восстановления подлинной или, как было принято говорить в период перестройки, “ленинской” федерации.

Что важнее, эту позицию поддерживало тогда большинство населения региона. По данным опроса Института социологии АН СССР (ноябрь 1988 г.) относительно мнения населения Латвии и Эстонии о проблемах перестройки и перспективах этих республик, только незначительная часть эстонцев и латышей (4–5 %) рассматривали выход из СССР как фактор успешного развития. Большинство респондентов в качестве основных условий реформирования страны называли кардинальные экономические преобразования (среди латышей 51%, эстонцев 43%) и совершенствование федеративных отношений (46% и 41%, соответственно) [Симонян, 1989, с. 25–26]. От Центра ждали решительных действий в этих направлениях. Так, за два месяца до Пленума ЦК КПСС по национальным вопросам (сентябрь 1989 г.) ВЦИОМ провел по всесоюзной выборке специальное исследование по национальным отношениям. На вопрос, “что угрожает добрым отношениям между народами?”, 71% титульного и 55% русскоязычного населения Прибалтики на первое место поставили ответ “политика, проводимая Центром” [Есть... 1990, с. 182]. Так что даже среди русскоязычного населения региона большинство опрошенных главную опасность в сложившейся ситуации связывали напрямую с поведением Центра. Подробный анализ итогов исследования был оперативно передан в ЦК КПСС, но, к сожалению, это не вызвало какого-либо интереса у руководства страны. “Насколько Горбачев и высший партийный актив были теоретически слепы и оторваны от реальности, – свидетельствует работник аппарата ЦК КПСС Л. Оников, – показало впервые проведенное в ЦК КПСС в июле 1989 г. совещание первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии” [Оников, 1995, с. 84].

И все же решение ВС Эстонии вряд ли было неожиданностью для руководства СССР. Еще за полгода до этого в выступлениях руководителей республиканских партийных организаций (В. Вяляса, Б. Пуго, Р. Сонгайло, С. Аругюнян и др.) на XIX партконференции было дано точное определение причин обострения национальных отношений и предложены конструктивные решения по их безотлагательному регулированию. Главный вопрос, поднятый ими, состоял в том, сможет ли Центр предложить республикам проект развития федеративных основ Союза. Именно такой проект представила эстонская республиканская партийная организация в виде пакета обобщенных предложений, поступивших от партийных организаций, трудовых коллективов (в них тон задавали русскоязычные руководители крупных предприятий), рабочих комиссий при ЦК КПЭ, Президиуме Верховного Совета и Совета Министров Эстонии. Следовательно, этот проект являлся общей позицией 155 тыс. коммунистов республики по данному вопросу – и интеллигенции, и производственников, и государственного руководства республики. И что особенно важно, эта позиция не имела никакой национальной окраски. Как конструктивные и вполне отвечающие намеренному на обновление курсу руководства СССР они могли быть восприняты в качестве основы для обсуждения и, соответственно, оценены и поддержаны на всесоюзном уровне. К сожалению, этого не произошло, и даже раздел о региональном хозрасчете появился в резолюции только после настойчивых требований делегата конференции Б. Мирнова, представлявшего одно из крупнейших предприятий Эстонии – таллинский завод им. М.И. Калинина (см. [XIX Всесоюзная... 1988, с. 74–77; 152–155, 157]).

В том, что инициатор перестройки не воспользовался трибуной XIX партийной конференции для продвижения реформ федеративного устройства, возможно, не последнюю роль сыграли его личные амбиции (ведь это была не его инициатива!). Но упущение тогда такой возможности было крупным политическим просчетом: ошибка влекла за собой необратимые последствия, ибо Центр тем самым продемонстрировал, что он, несмотря на свои претензии, уже не определял события, а отставал от их развития. Как иронично и точно заметил литовский социолог А. Матулионис, “Горбачев

думает, что он идет, а на самом деле – это пол едет” (цит. по “Летувос Ритас”, 1989, 20.02, с. 2).

Но руководители прибалтийских республик дали еще один шанс Центру. По их инициативе постановлением Верховного Совета СССР от 1 декабря 1988 г. “О дальнейших мерах по осуществлению политической реформы в области государственного строительства” была создана рабочая группа по распределению прав и полномочий между Центром и республиками (Комиссия Таразевича¹), куда вошли, помимо депутатов Верховного Совета, ученые: экономисты, юристы и социологи. Как участник этой группы готов засвидетельствовать: на ее заседаниях в интересующем нас аспекте речь шла о **необходимости подписания нового Союзного договора**, где должны быть четко зафиксированы эти разграничения. Члены этой комиссии от прибалтийских республик – депутаты ВС СССР Л. Кукайне, Л. Шепетис, С. Райк – были уверены в том, что договор будет подписан.

Уверенность делегатов Балтии в необходимости такого договора имела под собой юридически безупречное основание: эти республики не подписывали в 1922 г. Декларацию о создании СССР. Идея преобразования государственного устройства на основе добровольности объединения республик в Союз, использование договора как инструмента распределения компетенции между Центром и республиками представлялась конструктивной и для общества в целом, и для ведущих государствоведов. Так, 14 июня 1989 г. в “Правде” в статье специалистов Института государства и права АН СССР “Нужен ли новый союзный Договор?” обосновывалась политическая целесообразность его подписания [Муксинов... 1989].

Одним словом, к началу 1989 г. в СССР сложилась вполне благоприятная социально-политическая ситуация и для перехода к рынку, и для развития федерализма. Подписание нового Союзного договора, на чем настаивали тогда республики Прибалтики, позволило бы не только перейти к осуществлению назревших политических и экономических реформ, но и сохранить единое государство. Не вдаваясь в дискуссию относительно желательности (или нежелательности) и перспектив данного сценария, подчеркну: в принципе летом 1988 г. – время работы XIX партконференции – это было вполне возможно. Но уже через год, после I Съезда народных депутатов СССР – практически нет.

Здесь необходимо также напомнить, что в общественном мнении советских людей, в том числе и народов Балтии, в то время господствовала убежденность в политической мощи СССР, в несокрушимости великого государства. Конечно же, в массовом сознании латышей, литовцев и эстонцев, а тем более национал-радикальных политиков, всегда присутствовала мечта о национальной независимости. Но даже последние тогда считали, что это было слишком далеко от реальности. Практические очертания подобной национальной мечты начали вырисовываться лишь к весне 1990 г., когда стали уж совсем очевидными многочисленные и стратегические, и тактические, и оперативные провалы советского руководства в проведении как внешней, так и внутренней политики.

Призрачные надежды стали обретать реальные перспективы, когда в полной мере обнаружилась полная некомпетентность Центра, постоянное и катастрофическое отставание от развивающихся процессов, что впоследствии был вынужден признать и сам глава советского государства. В своей книге “Жизнь и реформы” в разделе с характерным названием “Запоздалые разъяснения” он написал: “Партия проморгала этот этап ... мы потеряли драгоценное время” [Горбачев, 1995, с. 514]. Между тем, изучая события накануне распада СССР, известный американский советолог Р. Гартхофф, встречавшийся почти со всеми видными центральными и республиканскими деятелями перестроечных лет, отмечал, что “даже в 1990 году только очень малая часть

¹ По имени Председателя Президиума ВС Белорусской ССР Г. Таразевича – в то время Председателя Комиссии Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям ВС СССР.

политиков в Балтийских республиках призывала к независимости. И вопрос о компромиссных решениях был все еще открыт” [Garthoff, 1993, p. 395]. Общественность прибалтийских республик и в тот момент еще надеялась, что их разумные предложения по реформации советского федерализма и экономики заинтересуют Центр.

Позже, спустя много лет, в научной литературе, но особенно в публицистике, стали появляться многочисленные материалы о том, что страна была обречена, что ее невозможно было реформировать, распад был предопределен и т.д., и т.п. Но все эти объяснения были сделаны *post factum*, вдогонку произошедшим событиям. В подобного рода рассуждениях завораживающую роль играет свойственное человеческой природе гипнотическое давление факта **уже свершившегося события**. Что детерминируется по незамысловатой, но по-своему очень убедительной схеме: если это случилось, то следовательно, и должно было случиться. Такова магия **происшедшего** для нормального человеческого восприятия. Кроме того, по прошествии нескольких лет любое событие покрывается патиной времени, постепенно окостеневая в исторической памяти людей, еще больше усиливая в общественном сознании эффект своей неотвратимости. А уж через 10–15 лет нашему воображению трудно даже представить, что все могло быть иначе.

В первой же половине 1989 г. никто, включая даже самых авторитетных и неприимых критиков советского режима и в самом Союзе, и за его пределами, даже не могли и предположить, что система может рухнуть в одночасье. Как подчеркивает Л. Арон – директор российских исследований Американского института предпринимательства, падение СССР “следовало считать самой крупной неожиданностью” [Aron, 2011]. В этом контексте уместно привести свидетельство вице-преьера и министра финансов первого правительства Польши Л. Бальцеровича: «Скажу честно: несмотря на весь богатый опыт, приобретенный за истекший период, я до сих пор никак не могу понять, почему “социалистический лагерь” рухнул так быстро. Крушение советского блока, безусловно, результат стечения обстоятельств. И все же одним из ключевых является фактор личности, роль которой, кстати, всегда недооценивалась марксистами. Займи место Горбачева человек с иными взглядами и чертами характера (а это было вполне вероятно, учитывая ситуацию в тогдашнем Политбюро), события стали развиваться в другом направлении» [Бальцерович, 2005, с. 65].

Данное утверждение указывает на конкретное обстоятельство: союзное руководство и его лидер постоянно отставали от стремительно развивающихся социально-политических процессов. Стиль работы Горбачева в период трех–четырёх лет, предшествующих распаду СССР, – выжидательное бездействие и заговаривание проблем. По свидетельству очевидца, помощника Президента СССР А. Черняева, “с каждым годом Горбачев все больше и больше мечется, придавая особое значение словам: убеждает, стыдит, призывает, закликает, увещевает, агитирует, грозит – и все впустую. Все слова... слова... слова” [Черняев, 1993, с. 57]. Критический момент, который требовал от лидера решительных и последовательных действий, был израсходован на бесконечное и неэффективное маневрирование.

Как и всякая человеческая деятельность, политический процесс вариативен. Для нашей страны ситуация конца 1980-х гг. – типичная историческая развилка. Эффективно существовали различные направления развития событий. И одна из самых реальных возможностей эффективно воспрепятствовать центробежным тенденциям заключалась в скорейшем подписании нового Союзного договора. Но это нужно было сделать если не в конце 1988 г., то никак не позже конца мая 1989 г.: тогда “еще совсем не было ясно, какое будущее ждет Эстонию и Советский Союз, – напишет спустя десять лет Аллик. – Хотя уже был создан Народный фронт, и Москва выбрала своим представителем на Съезде народных депутатов Ельцина, но власть в Эстонии была еще довольно прочно в руках Вяляса, а в Кремле – в руках Горбачева” [Аллик, 2000, с. 145]. Далее наступал политический цейтнот: в июне ситуация была уже не столь благоприятной – началась работа Съезда народных депутатов с полной телетрансляцией, что очень сильно изменило настроение в стране, и особенно в республиках

Прибалтики. Тем не менее один из авторитетных лидеров НФЭ В. Пальм даже в тот переломный момент убедительно аргументировал необходимость сохранения Союза, подчеркивая, однако, при этом, что “для того, чтобы сохранить СССР, он должен быть реорганизован” (цит. по “Тартуский курьер”, 1989, 15 июня).

Какие очевидные выгоды вытекали из инициированного прибалтийскими республиками проекта нового Союзного Договора? Во-первых, поставив свою подпись под этим документом, руководители Латвии, Литвы и Эстонии тем самым легитимировали бы свое нахождение в СССР. Что автоматически повлекло бы за собой изменение позиций Запада, не признававшего законным включение их в 1940 г. в состав Советского Союза. Тем самым был бы закрыт один из болевых и очень уязвимых с точки зрения международного права вопросов советского государственного устройства.

Во-вторых, коль скоро это была инициатива республик Прибалтики, и предлагаемый Договор, условно говоря, был “их”, это, несомненно, стало и для тогдашнего политического руководства прибалтийских республик, и тем более для Центра тактическим и стратегическим выигрышем. Подписав такой документ и передав вопросы хозяйственной сферы, культуры и образования в ведение республик (то, на чем и настаивали их представители в Комиссии Таразевича), союзное руководство сняло бы напряжение в Прибалтике, выбив козыри из рук немногочисленных тогда местных национал-экстремистов. Лозунг “Мы накормим и вас, и вашу армию, только не мешайте нам хозяйствовать!” был в то время одним из самых популярных в балтийских республиках. Ведь набившие оскомину анекдотические примеры жесткого и мелочного регламентирования (например, необходимость везти в Москву “для утверждения” образцы алюминиевых ложек; или согласование рецептуры выпечки хлеба; или распоряжение министра мясной и молочной промышленности СССР “Об ассортименте сливок, производимых в Эстонии, и установлении нормативов содержания в них жиров”) крайне болезненно воспринимались прибалтами. Именно такие политические, внешне курьезные раздражители, способные, следуя логике Г. Бабефа, вызвать негодование масс. Так появилась бы реальная возможность оправдать ожидания населения и начать наконец практически, а не на словах (за четыре года люди уже устали от нескончаемых разговоров о реформе) осуществление на всем пространстве СССР назревших хозяйственных реформ.

В российском публичном пространстве давно стало принятым обвинять население прибалтийских республик в “неблагодарности”. Вследствие чего сложные процессы, происходившие там в конце 1980-х гг., включая исходившие из региона инициативы по углублению демократизации советской системы, однозначно трактуются либо как верх политического лицемерия, либо как достойная изучения изощренная политическая игра. Поэтому часто можно слышать вполне родное, российское: “все равно бы они ушли”. В этой связи следует прежде всего указать на такую черту ментальности прибалтов, как **обязательность, уважение к документу, к договору**. Для современного российского менталитета – это категории чаще всего малозначимые; что не удивительно и, наверное, простительно для тех, кто многими поколениями прожили в условиях постоянного обмана со стороны государства.

Кроме того, о серьезности намерений тогдашних лидеров прибалтийских республик говорит часто фиксируемая мной во время пребывания в странах Балтии неприязнь, высказываемая нынешней генерацией местных политиков в адрес тех, кто на рубеже 1990-х гг. составляли политическую элиту (Я. Аллик, М. Лауристин, Э. Сависаар, В. Пальм, М. Титма, Х. Вайну и др.). Суть претензий к ним такова: “Ведь они хотели подписать новый Союзный договор. Если бы они этого добились, то мы сейчас были бы не в Евросоюзе, а в Советском Союзе”. Такое, понятно, сегодня не прощается.

Между тем новый Союзный договор означал бы кардинальный пересмотр государствообразующих принципов. Союзное государство строилось бы заново “снизу вверх”, а не “сверху вниз”: субъекты Федерации – республики, объединяются в союз, делегируя часть своих прав центральной власти. То есть без добровольного их согласия Федерация была бы невозможна. Однако Горбачев, будучи продуктом советской системы, как оказалось, не был готов к переходу на такой тип федеративных отношений.

Весьма точно охарактеризовал ситуацию вокруг нового Союзного договора член ЦК компартии Эстонии, председатель правления Союза художников Э. Пылдроос. В своем выступлении на XIV пленуме ЦК КПЭ 4 мая 1989 г. он сказал: “Это было решение, которого напряженно ждали во всех уголках Эстонии... Эстонский народ в принятых законах усмотрел возможность продолжать конструктивное сотрудничество с другими народами Советского Союза, возможно, единственную возможность. По-моему, мы можем сказать, что идея вхождения в состав Союза еще никогда среди эстонцев не поддерживалась так, как сразу после принятия поправок к Конституции... Но эти законы из-за отрицательной реакции в Москве повисли в воздухе. В результате многие люди начали обращать свои взоры к тем силам, которые считают, что проблемы Эстонии не решить в рамках Советского Союза” [Материалы... 1989, с. 58]. Аналогичные настроения начинали превалировать и в других союзных республиках. Не стала исключением и сама Россия, правда, в ней идея освободиться от мешающего проведению кардинальных преобразований Центра в тот момент реализовалась через создание независимой коммунистической партии РСФСР.

Между тем “механизм торможения” продолжал свою разрушительную работу. «Шансы на сохранение реформированного Союза были значительными в 1989 году, когда на I Съезде народных депутатов СССР с таким предложением выступили литовцы – констатирует Лацис. – Некоторые шансы сохранялись даже осенью 1990 года, когда программа “500 дней” давала реальную надежду всем сообща выйти из экономического кризиса по пути рыночных реформ, используя прежде всего ресурсы России. Неожиданный и необъясненный отказ Горбачева от этой программы, подготовленной по его же указанию и им предварительно поддержанный, подтолкнул республики к попыткам искать выход самостоятельно» [Лацис, 2001, с. 319]. Положение дел с каждым днем усугублял нарастающий кризис экономики. Но союзное руководство “не шло на ограничение своих прав. Дальше ждать было нельзя. Или надо было рвать с центром и начинать каждой республике идти своим путем, или надо было изменить центр” [Попов, 1994, с. 200].

В конце концов, это был вынужден признать сам Горбачев. Так, рассказывая на заседании Политбюро ЦК КПСС 9 ноября 1989 г. о своей недавней встрече с представителями Эстонии и Латвии, он почти сочувственно заключил: «В связи с ухудшением экономического положения в стране у прибалтов появился новый мотив: “Мы не хотим погибнуть в общем хаосе”. У них ощущение, что деваться некуда, надо выходить из СССР. Потому что Центр не готов дать самостоятельность, а, следовательно, и настоящий хозрасчет» [Союз... 1995, с. 75]. В результате фактический отказ от заключения нового Союзного договора резко обострил социальную ситуацию в прибалтийских республиках, усилил там позиции и высоко вознес авторитет не только национал-радикалов, но и экстремистов. Итогом этого стал взрыв сепаратистских устремлений, а все дальнейшее – это агония центрального руководства.

Таким образом, выделяя кризис директивной экономики и рост национализма в качестве основных объективных факторов падения СССР, недопустимо не учитывать и роль субъективного фактора, сыгравшего решающую роль в их реализации – **низкого качества общесоюзного политического руководства**. Поэтому вопреки сложившимся в общественном сознании представлениям – чему немало способствует культивирование националистами России и Балтийских стран соответствующих мифов – исторический парадокс здесь состоит в следующем: именно прибалтийские республики предлагали реальный сценарий сохранения Союза, а центральная власть, наоборот, сделала фактически все, чтобы его разрушить. Распад союзного пространства – наглядный исторический урок, который показывает, к чему может привести чрезмерное несоответствие между масштабами исторических задач, стоящих перед обществом, и реальными возможностями представителей политического класса, призванных эти задачи решать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алик Я.* Памяти духовного отца // Таллинн. 2000. № 19–20.
- Бальцеревич Л.* Реформы нельзя закончить // Россия в глобальной политике. 2005. № 3.
- Вайну Х.* Эстония: узел межнациональных противоречий. Таллинн, 1990.
- Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Книга 1.
- Грачев А.* Горбачев. М., 2001.
- XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. М., 1988. Т. 2.
- Дозорцев В.* Настоящее прошедшее время. Рига, 2009.
- Есть мнение. Итоги социологического опроса. М., 1990.
- Конституция (Основной Закон) СССР. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. (<http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1977.htm#9>).
- Лацис О.* Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001.
- Материалы XIV Пленума ЦК Компартии Эстонии. Таллинн, 1989.
- Мухомов И., Воробьев Н., Пучкова М., Маслов А.* Нужен ли новый союзный Договор? // Правда. 1989. 14 сентября.
- Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии. Таллинн, 1989.
- Оников Л.* КПСС: анатомия распада М, 1995.
- Пирогов Г.Г.* Структурный кризис и структурно-технологическая перестройка в зоне развитого капитализма // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 2.
- Попов Г.Х.* Снова в оппозиции. М., 1994.
- Постановление Верховного Совета ЭССР о внеочередной сессии Верховного Совета СССР от 26 ноября 1988 г. // Коммунист Эстонии, 1988. № 12.
- Симонян Р.Х.* От национального самосознания к гражданскому. М., 1989.
- Симонян Р.Х.* Россияне в Балтии // Общественные науки и современность. 2005. № 2.
- Собчак А.* Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991.
- Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985 – 2001: от Горбачева до Путина. М., 2001.
- Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995.
- Станкевич З.А.* Крушение СССР. Политико-правовые аспекты. М., 2001.
- Титма М.* Эстония: что у нас происходит? Таллинн, 1989.
- Тощенко Ж.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003.
- Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.
- Яскелявичус К.* В чем я вижу смысл перестройки? // Согласие. 1989. № 5.
- Aron L.* Everything You Think You Know About the Collapse of the Soviet Union Is Wrong // Foreign Policy. 2011. July/August (http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/06/20/everything_you_think_you_know_about_the_collapse_of_the_soviet_union_is_wrong?print=yes&hidecomment_s=yes&pа).
- Garthoff R.L.* The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington, 1993.
- Walker E.W.* Dissolution: Sovereignty and the Break-up of the Soviet Union. Lanham–Boulder–New York–Oxford, 2003.